

Предисловие редакторов-составителей

Обзорная статья / Review Article

«Скрытая обитель производства»: труд и работа в антропологии

Рекомендация для цитирования:

Петряков С. И., Винокуров Г. Д.,
Ссорин-Чайков Н. В. (2025) «Скрытая
обитель производства»: труд и работа
в антропологии. *Социология власти*,
37 (1): 8-35.
EDN: AYDDOO

For citation:

Petryakov S. I., Vinokurov G. D., Ssorin-
Chaikov N. V. (2025) The Hidden Abode
of Production: Labor and Work in
Anthropology.
Sociology of Power, 37(1): 8-35.

Поступила в редакцию: 10.02.2025;
прошла рецензирование: 14.03.2025;
принята в печать: 26.03.2025
Received: 10.02.2025;
Revised: 14.03.2025;
Accepted: 26.03.2025

© Petryakov S. I., Vinokurov G. D.,
Ssorin-Chaikov N. V., 2025
This article is an open access article
distributed under the terms and
conditions of the Creative Commons
Attribution (CC BY) license ([https://
creativecommons.org/licenses/
by/4.0/](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

СТЕПАН И. ПЕТРЯКОВ¹

<https://orcid.org/0009-0000-1976-9803>

ГРИГОРИЙ Д. ВИНОКУРОВ^{1,2}

<https://orcid.org/0000-0003-3995-3178>

НИКОЛАЙ В. ССОРИН-ЧАЙКОВ²

<https://orcid.org/0000-0001-7521-6912>

¹Европейский университет в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Резюме

Настоящий номер посвящен антропологии труда и работы. Введение к нему представляет собой попытку наметить некоторые наиболее общие тенденции в дискуссиях антропологов о труде, прослеживая их связь с важными социально-политическими и эпистемологическими контекстами, в которых развивалась дисциплина. Мы начнем с понимания труда в конце XIX и начале XX веков в работах Карла Маркса, Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера. Рассуждения о труде в работах классиков сыграли ключевую роль в этнографических исследованиях, посвященных труду и производству. Далее мы сделаем акцент на роли труда в функ-

ционалистской и марксистской антропологии, указав на политические и эпистемологические ограничения дисциплины в XX веке, среди которых стоит выделить романтические истоки антропологии и ее «слепоту» в отношении западного колониализма. Затем мы обозначим место пост-модернистской и феминистской критики в дискуссиях антропологов о труде и кратко рассмотрим основные темы исследований труда на рубеже XX и XXI веков. Вошедшие в спецвыпуск работы будут подробнее представлены по мере развертывания нашего повествования.

Ключевые слова: труд, работа, антропология, капитализм, класс, история антропологии

“Hidden Abode of Production”: Labor and Work in Anthropology

Stepan I. Petryakov¹

<https://orcid.org/0000-0003-3995-3178>

Grigory D. Vinokurov^{1,2}

<https://orcid.org/0000-0003-3995-3178>

Nikolai V. Ssorin-Chaikov²

<https://orcid.org/0000-0001-7521-6912>

9

¹ European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation

² National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract

This issue is devoted to the anthropology of work and labour. The introduction attempts to outline some of the most general trends in anthropologists' discussions of labour, tracing them back to the important socio-political and epistemological contexts in which the discipline developed. We begin with understandings of labour in the late nineteenth and early twentieth centuries in the works of Karl Marx, Émile Durkheim, and Max Weber. These classic accounts of labour have played a key role in ethnographic studies of labour and production. We then focus on the role of labour in functionalist and Marxist anthropology, pointing out the political and epistemological limitations of the discipline in the twentieth century, notably its Romantic origins and its blindness to Western colonialism. We then consider the place of postmodern and feminist critiques in anthropologists' discussions of labour, and briefly review the main themes in labour studies at the turn of the twentieth and twenty-first centuries. The works included in the special issue will be presented in more detail as our narrative unfolds.

Keywords: labor, work, anthropology, capitalism, class, history of anthropology

Введение

Место труда в социальной и культурной антропологии парадоксально. Труд — центральное понятие в тех направлениях антропологической теории, которые восходят к классической «троице» Маркс-Дюркгейм-Вебер. При этом труд едва ли когда-либо становился центральным предметом общих антропологических дискуссий. Труд явно уступает таким почтенным понятиям антропологического словаря как дар, родство, магия и ритуал; или совсем недавним инновациям, таким, как аффект, инфраструктура, правительственность, гражданство, биополитика или суверенитет. В этом смысле замечание Маркса о мире труда и трудящихся как о «скрытой обители производства» (Маркс 1952, с. 182) можно понимать как характеристику концептуальной работы понятия труд в антропологии. В уже далеком 1997 году Дон Калб писал, что на фоне развивающегося в ту пору «лингвистического поворота» и увлечения антропологов «дискурс-анализом», «языком» и «потреблением» его собственный историко-антропологический анализ труда и формирования промышленного рабочего класса в голландской провинции Северный Брабант, выглядит «немодно» (Kalb 1997, p. 1). Десятилетием позже в начале своей этнографии сталелитейной промышленности в английском Шеффилде Массимилиано Моллона указывал, что своей работой он пытается вернуть вопросы «производства, трудовой теории стоимости и классовой борьбы из забвения постмодернистских антропологических исследований потребления и идентичности» (Mollona 2009, p. 1).

В это же время, впрочем, труд начинает появляться на страницах работ других антропологов. Речь в них правда идет уже не о пролетарском труде и промышленном рабочем классе в странах глобального Севера, а о новых способах труда в иных регионах мир-системы. Дэнни Хоффман, опираясь на идеи автономистских марксистов (Хардт, Негри 2004; Вирно 2013), рассматривает милитаризованное насилие в Сьерра-Леоне и Либерии как форму постфордистского труда, которую выполняет африканская «безработная» молодежь (Hoffman 2011), а Джулия Эльячар, перечитывая классический текст Бронислава Малиновского о «фатической коммуникации» (Malinowski 1936), предлагает взглянуть на повседневную коммуникацию египетских женщин как на «фатический труд», который создает «социальную инфраструктуру коммуникативных каналов», столь необходимую для ведения мелкого бизнеса в неолиберальном Каире (Elyachar 2010).

В литературе труд понимается по-разному, в зависимости от того, как смотрят на него антропологи, принадлежащие к разным «школам» (если этот термин все еще подходит для описания современ-

ного устройства поля антропологии)¹. За этим стоит смена глобальных тенденций, политических ориентаций и концептуальных предпочтений в дисциплине, предполагающая трансформацию антропологического «другого», — включая переход от этнографии «другого» к этнографии «самости (самого себя)» как субъекта труда (см. ниже статью Полины Яровой об автоэтнографии труда), — равно как и радикальное изменение в понимании того, что из себя представляет труд. Какова предыстория этого сдвига? Каких субъектов труда можно обнаружить в работах антропологов и в различных этнографических контекстах?

Необходимо оговориться, что антропология, какой мы себе ее представляем, это, как сказал бы Джон Комарофф, «недисциплинированная» (Comaroff 2010) дисциплина. И мы полагаем, что подобно тому, как нет единственного верного, раз и навсегда установленного прочтения теоретических, методологических и политических основ антропологии, не существует и строгого определения предметного поля антропологии труда. Таким образом, это открытый для теоретических и методологических дискуссий проект. Сегодня на труд можно смотреть «феноменологически», исследуя интересубъективный опыт взаимодействия людей и окружающей среды в целом (Jackson 2007, p. 61-79), а можно изучать отношения эксплуатации труда и формирования класса в рыболовной промышленности в Шотландии, обращаясь к марксистскому инструментарию классового анализа и критики отчуждения (Howard 2017). Можно сосредоточиться на скрупулезной (авто)этнографии рабочего места на российской конфетной фабрике (Пинчук 2022), а можно изучить тотальность мясной промышленности США с акцентом на мультивидовом характере воспроизводства современного капитализма (Blanchette 2020).

Наш тезис в том, что несмотря на явные расхождения в трактовках труда, а также политических и теоретических ставках в игре этих различных интерпретаций, труд в антропологии — это удачная «точка входа» в понимание как социальных тотальностей, так и локальных жизненных миров, сосуществующих в тесной связи друг с другом. Подчеркнем, что ту же роль выполняют статьи этой тематической подборки, причем как переводы ранее опублико-

1 Здесь же отметим, что академическая институционализация антропологических исследований труда в виде университетских образовательных программ, курсов и специальных изданий довольно скромна. Стоит выделить сборник “Social Anthropology of Work” под редакцией Сандры Уоллман (Wallman 1979), сборник “Blood and Fire: Toward a Global Anthropology of Labor” (Kasimir, Carbonella 2014) и совсем недавний хендбук “Anthropology of Labor” (Kasimir, Gill 2022), а также журналы “Anthropology of Work Review” и “Focaal Journal of Global and Historical Anthropology”.

ванных текстов, так и статьи, написанные специально для этого спецвыпуска. Это «точка входа» в контексты современной экономики глобального мира (статья Нины Григорьевой; статья Джин и Джона Комарофф, перевод которой публикуется в этом выпуске) и постсоциализма (статья Джереми Морриса). Культурная специфика понимания труда и работы находится в центре статей Лидии Рахмановой и Полины Яровой, а также публикуемого здесь перевода статьи Элизабет Повинелли и развернутой рецензии Григория Винокурова на книгу Томаса Хендрикса «Капитализм тропических лесов». Повинелли и Хендрикс обращают наше внимание на роль «нечеловеческих» акторов труда и его аффективное измерение.

12 Каждая из публикуемых в этом выпуске работ приоткрывает дверь в мир антропологии труда, и каждая позволяет судить о его контурах. Но это именно контуры. В задачи этих статей и данного введения не входит исчерпывающая картография антропологических дискуссий о труде, энциклопедический реестр ключевых работ в этой области или же полная интеллектуальная генеалогия понятий труда и работы. Подобные обзоры уже начали появляться (Harris 2007; Narotzky 2018; Hann 2021; Folz, Smith 2024). Напротив, этот тематический выпуск и введение к нему пунктирно намечают некоторые, как нам кажется, наиболее общие тенденции в существующей литературе. Мы начнем с понимания труда в конце XIX и начале XX веков в работах Маркса, Дюркгейма и Вебера. Если теоретическую полемику, важную для создания антропологии как области знания, включая интерес к труду, можно представить как линию от Маркса к Дюркгейму, а затем к Веберу, то западная социальная и культурная антропология оформляется сперва с опорой на Дюркгейма (структурный функционализм), а потом открывает для себя Маркса и Вебера (политэкономия и интерпретативизм). Именно поэтому краткий обзор ключевых идей о труде в работах классиков важен для наших рассуждений. Далее мы рассмотрим функционалистскую и марксистскую антропологию труда, феминистскую и постмодернистскую критику, а также основные темы исследований труда рубежа XX и XXI веков, такие как глобализация и постсоциализм. Вошедшие в спецвыпуск работы будут подробнее представлены по мере развертывания нашего повествования.

Маркс, Дюркгейм, Вебер

В «Словах и вещах» Мишель Фуко подчеркивал, что понятие труда как абстрагированного и измеряемого компонента человеческой жизни было изобретено в рамках политической экономии Про-

свещения (Фуко 1994, с. 275-288)¹. Именно в работах Адама Смита «труд» стал означать, с одной стороны, элемент производства, который в соединении с капиталом производит товары, с другой стороны, совокупность людей, доступных для найма. Такие формулировки, как «цена труда» и «предложение труда» свидетельствовали о появлении экономической абстракции человеческой деятельности на заре становления индустриального капитализма в Европе XVIII века.

За спиной Адама Смита — Джон Локк, для которого труд это то, что делает место, где вы трудитесь, вашей частной собственностью. Американские индейцы, с точки зрения Локка, не обрабатывали землю, а только пользовались ее плодами, занимаясь охотой и собирательством. Поэтому они не имели права владеть этой землей, в отличие от европейских фермеров, занимающихся ее обработкой (сельским хозяйством) (Locke 1988, pp. 28-32). Фермеры могли трудиться для продажи хлеба, кукурузы или других сельскохозяйственных продуктов на рынке или только для самообеспечения. Но это был их выбор, который в Новой Англии невозможен, в отличие от «старой». Там земля была в собственности не трудящихся, а землевладельцев, которые решили, что им не нужны массы сельского населения — ту же работу на рынок (и уплату капиталистической земельной ренты) может дать гораздо меньшее количество работников, особенно если на этой земле они не будут содержать людей, а разведут овец для стрижки.

1 Рассмотрение англоязычных дискуссий, посвященных труду, требует учета семантического различия между словами «работа» (work) и «труд» (labor), которые часто используются как взаимозаменяемые. В то же время необходимо понимать и то, что в разных социальных и культурных контекстах, производительная деятельность по-разному классифицируется, а значит и понятия для ее обозначения приобретают разный смысл (Parkin 1979; Comaroff, Comaroff 1987). В самых общих чертах под работой подразумевается любая целенаправленная деятельность в процессе поддержания жизни в целом, тогда как труд связан с различными формами эксплуатации, принуждения, отчуждения, наемным капиталистическим трудом. Работа в таком случае есть общее приложение энергии к вещам, труд же представляет собой реализацию производительной способности человека в форме эксплуатации и отчуждения, продажи специфического товара «рабочая сила» с целью заработать на жизнь. За более подробным обсуждением семантики английских слов “labor” и “work” мы отсылаем читателя к соответствующим фрагментам в “Key Words” Реймонда Уильямса (Williams 2015: pp. 127-130; 266-268). Обсуждение различия между «работой» (work) и «трудом» (labor) в контексте работ Маркса можно найти в работе Бертела Оллмана (Ollman 1976, p. 98).

На исторический и насильственный, а вовсе не вневременной и «естественный» характер труда у мыслителей Просвещения указывал Карл Маркс. Как показано в важнейшей главе «Капитала» «Так называемое первоначальное накопление», у массы сельского населения, насильственно лишенного доступа к средствам производства, не оставалось другого выбора, кроме как продавать свой труд в городе на фабриках по цене, установленной капиталистом (Маркс 1952, с. 718–767). С этой ценой вы соглашаетесь как рабочий, потому что за вами стоит большая очередь безработных выходцев из села. Именно поэтому английские фабрики были невозможны в колониях: в Англии труд был «свободен» в капиталистическом смысле — он выставлялся на продажу, но без гарантии, что будет куплен; в колониях же труд был свободен в плане распоряжения собственной деятельностью¹. По этой причине, продолжает Маркс, а потом антрополог Сидни Минц с опорой на Маркса (Mintz 1986), в колониях раннего Нового времени возможны только фабрики, основанные на рабском, то есть принудительном труде («фабрики в полях»), где частной собственностью является не ваш труд (по Локку), а вы сами — например, на плантации сахарного тростника и, в более позднее время, хлопка. Минц пишет антропологию и историю труда по обе стороны Атлантики. Подневольный труд на сахарных плантациях Ямайки и в других колониях создает массовые продукты (в первую очередь сахар), потребляемые формирующимся рабочим классом в Англии, где диета рабочих — покупные товары, а не то, что они сами выращивают на земле². При этом Минц (как и Маркс) морально осуждает капитализм не просто как фикцию свободы выбора в рамках рыночной экономики (труд можно выставить на продажу, но неизвестно, купят ли и на каких условиях), но как замену полноценной еды быстрыми калориями сахара.

Согласно Эмилю Дюркгейму, капитализм становится возможен благодаря разделению труда (Дюркгейм 1996). В западном индустриальном обществе каждый производит продукт для обмена, и каждый зависит от других, поскольку не может выжить только за счет своего продукта. В «примитивной экономике» все либо делают одно и то же, либо то, что позволяет каждому выжить вне зависимости

1 Маркс подчеркивает, что «свободный труд» при капитализме имеет двойной характер: это свобода от «внеэкономического» принуждения, но также свобода от доступа к средствам производства.

2 В этом отношении важно следующее замечание: «Для скрытого рабства наемных рабочих в Европе в качестве фундамента нужно было неприкрытое рабство в Новом Свете» (Маркс 1952, с. 763). О связи капитализма, капиталистического труда и рабства см. также (Graeber 2006; Жихаревич 2021).

от обмена («натуральное хозяйство»). Поэтому основой в этих обществах (солидарностью) становится не разделение труда, при котором коллектив подобен организму, а внеэкономическое единство на основе «коллективных репрезентаций», таких как родство, мифология и ритуал. Идеи Дюркгейма оказали влияние на «раннюю» британскую социальную антропологию, к характеристике которой мы приступим чуть позже.

Аналогично указывает на отношения труда и капитализма Макс Вебер (Вебер 1990, с. 44–271). Он связывает капитализм и концепцию труда «по призванию» (использование дохода для инвестиций, а не на потребление) с культурой предпринимательства в европейском протестантизме. Его «Протестантская этика и дух капитализма» — это историческое повествование о периоде с XVI по начало XIX века с фокусом на онтологии спасения вне доступного нам для понимания, но всегда уже сделанного Богом суждения о нас — «предначертания». По Веберу, капиталистический труд создается протестантами в контексте онтологического одиночества человека перед лицом Бога. Взаимосвязь религии и экономики Вебер анализирует не как капиталистическую общественную формацию в духе Маркса («надстройка» над экономическим «базисом», «опиум народа»), а как исторически уникальный «идеальный тип» взаимоотношений протестантской религиозной этики и капиталистического предпринимательства в их «избирательной близости» («избирательном средстве»). Этот идеальный тип становится «рациональностью» и культурной ценностью нашего времени. В это же время, в начале XX века антропологам приходится доказывать, что культурные традиции «потлача» индейцев Британской Колумбии одаривать гостей подарками во время застолья — не менее «рациональны» с точки зрения культуры, чем банковский кредит, хотя европейцам это видится нерациональной расточительностью — потреблением, а не производством (Bracken 1997).

15

От социальной теории к антропологии

Сложно поспорить с тем, что концепция труда как товара, который можно покупать и продавать, как и любую другую вещь, является культурно специфичной для Запада. То же самое характерно и для марксова определения труда как процесса, в котором человек «опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» (Маркс 1952, с. 184)¹. Примечательно, что в обеих трак-

1 Метаболическая модель труда у Маркса восходит к работам немецкого химика и почвоведа Юстуса фон Либиха (Bellamy-Foster 2000).

товках (труда как товара и труда как метаболизма человека и природы) речь идет о производительной деятельности, которая поддается выделению из общего потока социальной жизни и культурно артикулируется. Подобные европоцентричные по сути своей идеи труда были проблемой для антропологии, традиционно занимающейся незападными обществами. Как полагал Морис Блох, за пределами индустриального мира граница между трудом и другими видами деятельности отсутствовала (Bloch 1983, p. 91). Основываясь на своей полевой работе на Мадагаскаре, Блох утверждал, что в сельских районах страны не существовало слова, которое можно было бы перевести как «работа» или «труд». Этот же аргумент отчасти справедлив и в отношении доиндустриальной Англии, где, как показал британский историк Эдвард Томпсон, отсутствовала граница между временем труда и временем отдыха. Согласно Томпсону, именно разделение оплачиваемого времени работы и неоплачиваемого времени остальной жизни в отношениях капиталистического найма стояло у истоков происхождения идей труда и отдыха (Thompson 1967).

16

Вероятно, именно по этой причине в «ранней» антропологии труд и работа не фигурировали в качестве отдельных исследовательских сюжетов. По мнению Криса Хана, исключение составляет лишь ряд учеников Бронислава Малиновского в Лондонской школе экономики в 1930-е годы (Hann 2021, p. 9). Сам Малиновский акцентировал внимание на том, что «примитивный труд» тробрианцев имел организованный характер и регулировался логиками отношений родства и ритуального действия (Malinowski 1925). Вслед за ним Одри Ричардс рассматривала землепользование среди банту как производную от фундаментальной потребности в пропитании, которая формирует местные социальные институты (Richards 1939). А Рэймонд Ферт изучал в Полинезии то, что он называл «примитивной экономикой» (Firth 1938).

Тем не менее исследования пионеров британской социальной антропологии были выполнены в рамках функционалистской парадигмы, в которой производящие практики составляли часть «интегрированного целого» под названием «культура» (Малиновский 2005, p. 44). В таком духе человеческая деятельность, направленная на поддержание жизни, оказывалась, с одной стороны, пространственно изолирована рамками конкретного «поля», с другой стороны, была темпорально ограничена в соответствии с принципами синхронного анализа, свойственного функционализму. Не менее важным было и то, что изучение «примитивного труда» происходило в пределах экономики хозяйственных единиц, ориентированных на собственное пропитание, регулируемых механизмами ритуала или дарообмена и якобы отделенных от более широких процессов мирового товарного обмена и разделения

труда. В результате в текстах британских антропологов производительная деятельность людей лишалась истории и закреплялись в неизменных гомогенных формах, существуя в бесконечном «этнографическом настоящем» (Fabian 1983). Из этого следовало, что и сам объект дисциплины — «коренные», «традиционные», «некапиталистические» общества, существовал вне контекста мировой товарной экономики и западного колониализма как ее проводника (Ссорин-Чайков 2021).

Такое положение дел было характерно для антропологии 1930–1960-х годов в целом. В первые послевоенные десятилетия, несмотря на то, что распространение принципов товарного обмена давно приняло планетарный характер, антропологи предпочитали исследовать локальные общества, якобы наименее затронутые глобальными «изменениями», а не работников шахт и плантаций, которые уже тогда играли ключевую роль в экономике колоний (Gough 1968). Теоретические формулировки, эстетические ориентации и буржуазная идентичность большинства антропологов уводили дисциплину от столкновения с патологиями колониальной власти (Scheper-Hughes, Bourgois 2004, p. 19). В ситуациях, когда взгляд антропологов все же падал на регионы, входившие в орбиту капиталистической экспансии, они сосредотачивали свое внимание на «культуре» и «исчезающих традициях», нуждающихся если не в спасении, то как минимум в научном описании. Проект такого научного описания сохранял связь с романтическими корнями дисциплины как на уровне стратегий этнографического письма, так и политик объяснения (Stocking 1996). Антропологи изучали разрушения, оставленные колониальным капитализмом, лишь для того чтобы отфильтровать их, реконструируя гипотетические «доконтактные» социальные и культурные формы (Tomas 1991). Напротив, формирование глобальных товарных цепочек, появляющиеся и крепнущие аппараты коммодификации и эксплуатации труда в регионах, которые когда-то называли «третьим миром» (а сейчас «глобальным Югом») оставались без внимания. К примеру, Джозеф Маско указывает, что многие классические этнографические отчеты о потлаче среди индейцев северо-западного побережья США, не чувствительны к динамике колониального капитализма, которая определяла интенсивность церемоний и их роль в восстановлении онтологического порядка, разрушенного столкновением с «фронтирным капитализмом» (Masco 1995).

Антропология и политическая экономия

Ситуация начинает меняться в конце 1960-х годов. В США на фоне подъема общественных и революционных движений внутри стра-

ны и за ее пределами марксизм выходит из подполья эпохи маккартизма. Антропология все чаще начинает рассматриваться как «дитя империализма» (Gough 1968) и продукт «колониального столкновения» (Asad 1973). Наряду с этим некоторые американские антропологи знакомятся с работами теоретиков мир-системного анализа (Gunder Frank 1969; Wallerstein 1974), британской школы материалистического исследования культуры (Williams 1977) и «истории снизу», в которой изучению труда и рабочих отводилась ключевая роль (Thompson 1966). Отсюда видение антропологии как проекта по изучению изолированных и саморегулирующихся обществ подвергается критике. Лучше всего ее выразил Эрик Вулф, один из основателей «антропологической политической экономии» (Roseberry 1988): «Наделяя нации, общества или культуры качествами внутренне однородных и внешне отличительных и ограниченных объектов, мы создаем модель мира как глобального бильярдного зала, в котором сущности отталкиваются друг от друга, как множество твердых и круглых бильярдных шаров» (Wolf 1982, p. 6). Вместо этого некоторые антропологи марксистского толка предложили обнаружить за полевыми местами пространство всемирных исторических связей, изучать культуру в терминах идеологии и гегемонии, и делать особый акцент на сфере экономического производства, которое нельзя рассматривать вне контекста капиталистических отношений (Ortner 1987, p. 139–144).

В результате атаки на культурный фундаментализм и невольный политический консерватизм дисциплины ряд американских антропологов отверг предположение о том, что крестьянские деревни и «туземные» поселения были рудиментом докапиталистической экономики и сосудами вневременной «традиции». «Системы символов» и «структуры родства» уступили место историзированным процессам создания податливой рабочей силы и отчуждения земли в контексте колониального капитализма в Азии и Южной Америке (Stoler 1985; Taussig 1986; Trouillot 1988; Bourgois 1989). Постепенно антропологическим Другим становится пролетаризирующийся «крестьянин» из «третьего мира», а объектом анализа все чаще выступает труд и рабочие на плантациях, шахтах и сборочных линиях предприятий вместе с культурно специфическими формами осмысления новых способов эксплуатации и сопротивления им (Mintz 1974; Nash 1979; Taussig 1980; Comaroff 1985; Ong 1987).

Однако может ли такое понятие, как труд, преодолеть разрыв между конкретностью жизненного опыта и абстракциями, используемыми для его осмысления (Narotzky 2018)? Ответ на данный вопрос отражает известную антропологическую антиномию между партикуляризмом и универсализмом: если мы думаем о мире как

о едином и связном, понятие имеет смысл; если мы думаем о мире как о совокупности множества несводимых друг к другу миров, понятие имеет мало смысла (Ibid.). Стоит задуматься, способно ли понятие труда, используемое антропологами в процессе культурного перевода, уловить и отразить происходящее в иных «онтологически альтернативных реальностях», основанных на отличных от западных представлениях о природе, социальности и субъекте (Holbraad, Pedersen, de Castro 2014)? Или же, как когда-то предположил Маршалл Салинс в отношении «капиталистической мир-системы» (Sahlins 1988), идея труда является частью «западной космологии», которую академические ученые навязывают незападным обществам?

Критика труда

Самую известную «партикуляристскую» критику труда предложила британский антрополог Мэрилин Стратерн в своей влиятельной книге «Гендер дара» (Strathern 1988). Для целей нашей статьи ограничимся лишь кратким и неизбежно упрощенным пересказом тех сюжетов, которые касаются вопросов труда и производства. В одной из глав, вступая в полемику с марксистским феминизмом, Стратерн проблематизирует труд как категорию анализа «экономических» отношений в местечке Хаген в Меланезии (Ibid., pp. 133–167). Использование термина «труд» предполагает «контрабанду» целого ряда европоцентричных допущений, и применительно к своему полю антрополог задается вопросом: что мы имеем в виду, когда говорим, что мужчины эксплуатируют труд своих жен, которые выращивают свиней? Стратерн приходит к выводу, что подобный вопрос актуален лишь в контексте западных представлений об автономном индивиде, который контролирует свой труд и, следовательно, обладает правом собственности на продукт труда; эксплуатация же происходит, когда другой индивид присваивает этот продукт или его часть. В этом случае речь идет об «отчуждении» в смысле западной философии, то есть об отделении индивида от продуктов его или ее труда (Harvey, Krohn-Hansen 2018, p. 9). Однако у меланезийцев иное понимание личности и устройство социальности. Отсюда же вытекает и иная специфика отношений труда и производства. Меланезийские женщины в Хагене выращивают свиней для последующего обмена, но ошибочно полагать, что их «труд» по выращиванию животных отчуждается. В отличие от западных обществ, здесь отсутствует концепция автономной личности — буржуазного индивида как участника товарного обмена, собственника «рабочей силы». «Меланезийская» социальность основана иначе: личности здесь рассматриваются как эффекты отношений, они «множественны». Ме-

ланезийцы приобретают авторитет, включая животных в сложные цепочки дарообмена, а сами свиньи циркулируют не как безличные товары, но как дары, предметы престижа. В результате животные никогда полностью не отделяются от породивших их отношений, а «труд» и «продукт труда», если эти понятия вообще уместны, имеют множественное авторство¹. Неотчуждаемость означает отсутствие отношений собственности. В таком случае, полагает Стратерн, «возможно, следует вообще отказаться от термина труд» (Strathern 1988, p. 160), слишком сильно укорененного в западной версии социальности.

В эту же «партикуляристскую» или «онтологическую» линию критики встраивается книга Элизабет Повинелли “Labor’s Lot” (Povinelli 1993). В фокусе внимания Повинелли находится опыт взаимодействия североавстралийского коренного сообщества Белюзнь с местным ландшафтом, к описанию которого западные онтологические допущения о труде оказываются не совсем применимы. Для белюзньских «индигенных коллег», как их называет Повинелли, элементы и явления окружающей среды — камни, скалы, водоемы, ветер, свет и др. — являются живыми существами (или их проявлениями), с которыми необходимо вступать во взаимодействия: выстраивать социальные отношения, вести себя правильным образом и коммуницировать, считывая их «сообщения», ответные реакции и указания. В рамках местной онтологии Сновидения (Грёзы), жизнь — это постоянный процесс общения с материальными объектами, которые обладают способностью слушать и давать ответы, направлять людей и реагировать на их действия, воплощая в себе давно исчезнувших тотемических предков. Труд здесь выходит за пределы того, что на Западе обычно называют «работой» и «экономической активностью», а «производительными» или «продуктивными» оказываются на первый взгляд повседневные действия — путь из одной точки в другую по пустыне в жару, привал в разбитом на побережье лагере, общение с предками, воплощенными в элементах ландшафта и наблюдение за его изменениями. Эта же точка зрения на труд и ограничения западных концепций продуктивности и ценности тех или иных производственных действий представлена в статье «Умеют ли камни слышать?», перевод которой публикуется в настоящем номере журнала.

1 Классическое противопоставление дара и товара в антропологии (Gregory 1982) играет в рассуждениях Стратерн ключевую роль. Если в западных обществах отношения между людьми предстают как отношения между вещами, то в меланезийском обществе отношения между вещами предстают как отношения между людьми (Strathern 1988, p. 134).

Труд в антропологии после «постмодернистского поворота»

В 1990-е годы очередная итерация самокритики дисциплины ставит под вопрос «антропологическую политическую экономию» (Taussig 1987). В рамках так называемого «постмодернистского поворота» в антропологии, озаглавленного выходом сборника «Writing Culture» (Clifford, Marcus 1986; см. также Marcus, Fisher 1999), марксизм подвергается косвенной критике. Это было время «после теории» (Eagleton 2003), момент недоверия к сциентистским, объективистским и телеологическим интеллектуальным конструкциям, претендующим на масштабные исторические обобщения и окончательные объяснения, подкрепленные авторитетом автора. Взамен этого предлагалось перейти к «предварительным прочтениям» (Scajano 1986), случайным и оспариваемым смыслам (Abu-Lughod 1991), «частичным истинам» (Clifford 1986) и «радикальному эмпиризму» (Jackson 1989). Для наших рассуждений особенно важно, что в конце XX века такие темы, как рынки, торговля и потребление, начинают пользоваться бóльшим интересом, чем труд и производство (Hann 2021, p. 7).

21

Утрата интереса к труду и производству была укоренена в более широком социально-экономическом контексте. По остроумному замечанию Оливии Харрис, смещение внимания антропологов с производства на то, что производится и как оно циркулирует, было симметрично смене продуктивизма социалистического лагеря на гегемонию неолиберализма в планетарном масштабе (Harris 2007, p. 156). Крах советского проекта, рост финансиализации капитала и экономического дерегулирования по всему миру совпал с переориентацией антропологической теории на разговор об идентичности, глобализации, креативном потреблении, множественных «потоках» и «скейпах» (Appadurai 1996). Указывая на связь «постмодернистского поворота» и дискуссий вокруг «кризиса репрезентации» в антропологии с изменениями классовой структуры американского общества, Дэвид Гребер иронически назвал новые объекты антропологического интереса «элементами неолиберальной космологии в миниатюре» (Graeber 2014, p. 80).

Однако не стоит думать, что спад интереса к труду в антропологии был обусловлен одним только изменением в «политическом бессознательном» (Jameson 1981) дисциплины. Трансформации в глобальной политической экономике в конце XX века не только преломились в дискурсе антропологии, они значительно повлияли на судьбу труда и рабочих по всему миру. Демонтаж послевоенного фордистско-кейнсианского договора между трудом и капиталом в странах глобального Севера привел к масштабной деиндустриа-

лизации и дерегуляции национальных экономик, сокращению стабильно оплачиваемых рабочих мест и прекаризации найма (Bourdieu 1998; Стэндинг 2014). Разрушение ключевых механизмов государства всеобщего благосостояния на Западе вкупе с социальными последствиями мирового финансового кризиса 2008 года исследовались антропологами в рамках этнографии прекарности (Han 2018). Что не менее важно, во многих регионах глобального Юга и в странах так называемого постсоциализма неолиберальная «политика структурной перестройки» положила конец очагам стабильной занятости и основанных на ней моделям социальной жизни — этот процесс был изучен некоторыми антропологами на примере Африки (Ferguson 1999) и Польши (Dunn 2004). Кроме того, специфическая версия индустриализации в Китае, а также последующее включение китайской промышленности в транснациональные товарные цепочки отразились в исследованиях антропологов (Rofel 1999; Rofel, Yanagisako 2019).

22

По всему миру на фоне фрагментации наемного труда и промышленного рабочего класса, внедрения «гибких» режимов занятости и резкой транснационализации производства (Somagoff, Somagoff 2001, pp. 9–16) формальный, оплачиваемый и, как правило, мужской труд перестал быть телосом социально-экономического развития (Ferguson, Li 2018). В связи с этим некоторые поспешили заявить о посткапитализме, в котором эксплуатация в отношениях заработной платы преодолена, классовый антагонизм снят, а значит и любые рассуждения о труде оказываются неуместны (Massumi 1992, pp. 202–204; Gibson-Graham 2006). Другие же призывали «децентрировать наемный труд» (Kasmir, Gill 2022, p. XXII), указав на исторически присущую капитализму неоднородность и неравномерность в организации трудовых отношений. Это было предложено сделать при помощи включения в этнографический анализ «периферийного труда» (Cowan, Campbell, Kalb 2023), то есть учета работников и видов труда, не соответствующих моделям стандартной занятости, которая в планетарном масштабе всегда представляла собой скорее исключение, чем правило (Munck 2013). В этом ключе некоторые антропологи обратились к изучению различных видов «неформального» труда: от потогонных цехов в Индии до сбора мусора в Мьянме (De Neve 2005; Mezzadri 2017; Campbell 2022; Lazar 2023). Таким образом они стремились продемонстрировать, что подобная деятельность не является маргинальной, пост- или некапиталистической. Напротив, сегодня она становится все более важной для воспроизводства капиталистических отношений и политической борьбы на глобальном Юге. В настоящей подборке статья Нины Григорьевой, посвященная труду в сфере «неформальной» утилизации бытовых отходов в Камбодже

и Вьетнаме, отвечает сегодняшнему антропологическому тренду на изучение городских «охотников и собирателей» (Lomnitz 1975, p. 96; цит. по: Millar 2018, p. 41) — сборщиков мусора в городах и мегаполисах глобального Юга.

Ответить на вопрос, что и на каком основании считать трудом и кого следует называть трудящимися, оказалось не так-то просто. Важный урок феминистской критики труда состоит в том, что при капитализме «трудом» признаются лишь те действия, которые совершаются, чтобы получить за них заработную плату (Federici 1975; Fortunati 1996; Vogel 2000). Иными словами, было указано на то, что в большинстве рассуждений о труде за точку отсчета берется фигура промышленного наемного работника-мужчины. Другие же формы производительной деятельности, такие как репродуктивный труд, «неформальная» занятость, секс-работа или труд «нелегальных» мигрантов остаются в тени формального рынка занятости. Эти формы «невидимого» труда мобилизуются через широкий спектр гендерных, расовых или этнических различий (Tsing 2009) и поэтому не осознаются как труд самими «работниками» и их социальным окружением, а значит могут быть удешевлены или вовсе обесценены. Именно поэтому сегодня антропологи левого толка в попытках нарушить устойчивую связь между концепцией труда и институтом стандартизированного найма (wage labor) трактуют труд предельно широко, подразумевая под ним общие затраты человеческой энергии в отношении капитала (Narotzky 2018, p. 13).

23

В итоге антропологи все более часто проявляют интерес к феминизированным формам труда — в офисе (Freeman 2000), на швейной фабрике (Salzinger 2003; Lynch 2019), сборочной линии (Pun 2005), чайной плантации (Chatterjee 2001) или в «глобальных цепочках заботы» (Fraser 2016), в которых репродуктивный и домашний труд женщин-мигранток дифференцируется в соответствии с маркерами этничности и класса (Pargenias 2009; Constable 2009). Кроме того, труд в современных исследованиях зачастую дематериализуется, эмоциональная работа (Хохшильд 2019) или аффективный труд (Hardt 1999) попадают в фокус внимания антропологов в контексте изучения волонтерства в Италии (Muehlebach 2011) или колл-центров в Индии (Mankekar, Gupta 2016). Схожим образом объектом антропологического исследования может стать процесс формирования «предпринимательского Я», которое поощряется в контексте современных неолиберальных трудовых режимов (Freeman 2015; Makovsky 2016).

Тем не менее промышленная занятость и рабочий класс как были (Willis 1977; Burawoy 1979), так и остаются важными темами для этнографии труда (Parry 1999; Mollona 2009; Carrier, Kalb 2015). В конце концов, сегодня в мире абсолютная численность промыш-

ленных рабочих больше, чем когда-либо прежде (Benarav 2019). Другой важный сюжет — этнографии труда в сельском хозяйстве, где транснациональные исторические связи между регионами, сезонные миграции и нестабильный правовой статус рабочих играют ключевую роль в процессе мобилизации рабочей силы (Holmes 2013; Bolt 2015; García-Colón 2020; Raeymaekers 2024). Деиндустриализация и трансформация труда в условиях позднего капитализма также находят отклик у антропологов — работники в сфере IT (Amrute 2016), банкинга (Ho 2009) или услуг такси (Soprano 2017) могут стать героями этнографического исследования.

Вместе с тем все чаще не труд, а его отсутствие в виде разнообразных форм жизни «вне оплачиваемого труда» (Denning 2010) вызывает интерес антропологов. Это может быть поиск «таинственных средств производства» в рамках «окультистских экономик» (Comaroff, Comaroff 1999) или разработка механизмов перераспределения благ в ситуации структурной безработицы в Южной Африке (Ferguson 2015); коммерческий сбор мусора в Бразилии (Millar 2018) или собирательство деликатесных грибов в США (Цзин 2017); практики «убийства времени» среди безработной мужской молодежи в Сенегале (Ralph 2008) или эмоциональная привязанность к идее гарантированной занятости в постфордистской Японии (Allison 2013). Во всех этих исследованиях речь идет о «загробной жизни» наемного труда, идеях стабильности и процветания, которые покоились на институте стандартизированного найма, однако в настоящий момент не могут быть реализованы. Следует ли из этого, что дисциплине нужно отказаться от исследований труда в его разнообразных формах? Ответу на этот вопрос посвящена статья Джин и Джона Комарофф; ее перевод мы публикуем с предисловием Дмитрия Жихаревича, который помещает рассуждения антропологов в контекст работ социального теоретика Мойше Постона и, шире, политической экономии современного капитализма.

Антропология труда в России

Исследования труда в России с применением этнографических методов проводились в 1990-е годы. Анализ изменений в структуре трудовых отношений стал важной частью более масштабных рассуждений о развитии российского капитализма. Так, взяв за основу идею «великой трансформации» как коммодификации труда, земли и денег у Карла Поланьи (Поланьи 2013), американский социолог Майкл Буравой (Burawoy 2001) показал, что декоммодификация труда в постсоветский период (невыплата заработной платы, распространение механизмов бартера и переход к стратегиям выживания в «обществе сетей») представляла собой часть «инволюции»

как ключевой характеристики политической экономии российского капитализма. В схожей манере марксистского анализа работы британского социолога Саймона Кларка были посвящены трансформациям рынка труда и изменениям в сфере трудовых отношений в период после распада СССР (Clarke 2007). Группа российских социологов под руководством Кларка изучала перестройку управления и производственных отношений на промышленных предприятиях в постсоветской России (Clarke 1996).

Примечательно, что в российском контексте именно промышленный наемный труд и повседневная жизнь рабочего класса находятся в центре внимания антропологов и социологов, изучающих труд (Walker 2010; Morris 2016; Пинчук 2021; Vanke 2024). В эту тенденцию вписывается публикуемая в этом выпуске статья Джереми Морриса, посвященная патерналистским моделям взаимодействия с предприятиями у наемных рабочих в Калужской области, среди которых Моррис проводил полевую работу. Вместе с тем Моррис делает особый акцент на идиомах родства как важной части «децентрализованного корпоративизма» в институте найма в России, что соответствует непреходящему антропологическому интересу к «внеэкономическим» отношениям и факторам в анализе труда (Bear et al. 2015).

25

Множественность форм и опыта труда в этом выпуске затрагиваются в статьях Полины Яровой и Лидии Рахмановой. С «не-секюлярной» стороной труда, в духе Вебера, хотя в контексте не протестантизма, а православия, читателей знакомит статья Полины Яровой, посвященная анализу трансформации субъекта труда в ходе добровольной работы в православном монастыре. Основываясь на материалах полевой работы и автоэтнографии трудничества в одном из монастырей Вологодской области, Яровая рассказывает о техниках самотрансформации, реализуемых и переживаемых трудницами, которые работают в монастыре на добровольных началах. Труд в монастырской «ойкономии» оказывается способом передачи своей воли Богу и предполагает встраивание в иерархические контексты пастырской власти, основанные на смирении и подчинении.

В это же «феноменологическое» измерение разговора о труде встраивается статья Лидии Рахмановой, посвященная изучению пространственного и темпорального опыта молодых пенсионеров в Среднем Приобье, где в рамках «избушечных онтологий» пространство и время для мужчин среднего возраста организуются вокруг ненавистой работы в настоящем и ожидания скорого выхода на пенсию в будущем. «Бредовая» работа сейчас и «желаемый» труд в своем доме в будущем формируют пространство, в котором избушки становятся особыми «островами времени», которые отде-

лены от рабочих графиков и проживаются в ожидании, предвкушении и подготовке к жизни на пенсии.

Завершает тематическую подборку рецензия Григория Винокурова на книгу Томаса Хендрикса «Капитализм тропических лесов», посвященную этнографии аффективной природы добывающего капитализма в конголезской лесозаготовительной концессии. Обсуждаемая книга обращает внимание читателя на важность учета чувственной природы труда и процессов производства, выводя тем самым разговор о труде за пределы традиционной марксистской критики капитализма. В своей рецензии Винокуров, обращаясь к работе Хендрикса, уделяет особое внимание ключевой дилемме этнографического письма — соотношению теоретизации и этнографии.

То, насколько нам удалось отразить разнообразие проблематик в антропологических исследованиях труда — вопрос, который мы оставляем читателю этого номера. Мы лишь надеемся, что его публикация послужит усилению интереса и внимания исследователей к проблематике труда, работы и производства, а также их этнографическому изучению сегодня.

26

Финансирование / Funding

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-18-00962, <https://rscf.ru/project/23-18-00962/>
The study was supported by grant No. 23-18-00962 from the Russian Science Foundation, <https://rscf.ru/project/23-18-00962/>

Благодарности / Acknowledgments

Авторы выражают благодарность Александре Захаровой за чтение и комментарии черновика этого текста.

The authors would like to thank Alexandra Zakharova for reading and commenting on a draft of this text.

Список источников / References

Вирно П. (2015) *Грамматика множества. К анализу форм современной жизни*. Ад Маргинем Пресс. EDN: XNCHTP

— Virno P. (2015) *Grammar of the Multitude. Towards an Analysis of Forms of Modern Life*. Ad Marginem Press. (in Russ.)

Вебер М. (1990) *Избранные произведения*. Прогресс.

— Weber M. (1990) *Selected Works*. Progress. (in Russ.)

Дюркгейм Э. (1996) *О разделении общественного труда*. Канон.

- Durkheim E. (1996) *On the Division of Social Labor*. Canon. (in Russ.)
- Жихаревич Д. М. (2021) Элементы прагматической теории капитализма. *Социология власти*, 33(1), с. 125-168. EDN: GUTMVT. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2021-1-125-168>
- Zhikharevich D. M. (2021) Elements of the Pragmatic Theory of Capitalism. *Sociology of Power*, 33(1), pp. 125-168. (in Russ.) <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2021-1-125-168>
- Малиновский Б. (2005) *Научная теория культуры и другие эссе*. ОГИ.
- Malinowski B. (2005) *Scientific Theory of Culture and Other Essays*. OGI. (in Russ.)
- Маркс К. (1952) *Капитал. Критика политической экономии*. Госполитиздат.
- Marx K. (1952) *Capital. Critique of Political Economy*. Gospolitizdat. (in Russ.)
- Пинчук О. (2021) *Сбои и поломки. Этнографическое исследование труда фабричных рабочих*. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place.
- Pinchuk O. (2021) *Failures and Breakdowns. An Ethnographic Study of Factory Workers' Labor*. Moscow: Khamovniki Foundation for Social Research; Common Place. (in Russ.)
- Пинчук О. (2022) Мастерство в труде: «ориентация на задачи» и «совладание» с изношенным оборудованием на Подмосковной конфетной фабрике “Iriski”. *Антропологический форум*, 54, с. 68-92. EDN: KPLGLW. <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-68-92>
- Pinchuk O. (2022) Mastery of Work: “Task Orientation” and “Coping” with Worn-Out Equipment at the Iriski Candy Factory in the Moscow Region. *Anthropological Forum*, 54, pp. 68-92. (in Russ.) <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-68-92>
- Поланьи К. (2013) *Избранные работы*. Издательский дом «Территория будущего». EDN: RAYWBF
- Polanyi K. (2013) *Selected Works*. Publishing House “Territory of the Future”. (in Russ.)
- Ссорин-Чайков Н. В. (2021) Антропология времени: очерк истории и современности. *Этнографическое обозрение*, (6), с. 81-101. EDN: OQOXIY. <https://doi.org/10.31857/S086954150017934-7>
- Ssorin-Chaikov N. V. (2021) Anthropology of Time: An Essay on History and Modernity. *Ethnographic Review*, (6), pp. 81-101. (in Russ.) <https://doi.org/10.31857/S086954150017934-7>
- Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: Новый опасный класс*. Ад Маргинем Пресс.
- Standing G. (2014) *The Precariat: The New Dangerous Class*. Ad Marginem Press. (in Russ.)
- Хардт М., Негри А. (2004) *Империя*. М.: Праксис.
- Hardt M., Negri A. (2004) *Empire*. Moscow: Praxis. (in Russ.)
- Фуко М. (1994) *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. М.: А-сэд.

Foucault M. (1994) Words and things. Archaeology of the humanities. Moscow: A-cad. — (in Russ.)

Хокшильд А. (2019) *Управляемое сердце: коммерциализация чувств*. Издательский дом «Дело» РАНХиГС. EDN: XBSOUF

— Hochschild A. (2019) *The Managed Heart: The Commercialization of Feelings*. Publishing House «Delo» RANEP. (in Russ.)

Цзин А. (2017) *Гриб на краю света: о возможности жизни на руинах капитализма*. Ад Маргинем Пресс.

— Tsing A. (2017) *Mushroom at the Edge of the World: On the Possibility of Life on the Ruins of Capitalism*. Ad Marginem Press. (in Russ.)

Abu-Lughod L. (1991) Writing against culture. In R. G. Fox (Ed.), *Recapturing anthropology: Working in the present* (pp. 137-162). School of American Research Press.

Allison A. (2013) *Precarious Japan*. Duke University Press.

Amrute S. (2016) *Encoding race, encoding class: An ethnography of the Indian IT industry*. Duke University Press.

Appadurai A. (1996) *Modernity at large: Cultural dimensions of globalization*. University of Minnesota Press.

Asad T. (Ed.) (1973) *Anthropology and the colonial encounter*. Ithaca Press.

28

Bear L., Ho K., Tsing A., & Yanagisako S. (2015) *Gens: A feminist manifesto for the study of capitalism*. <https://culanth.org/fieldsights/gens-a-feminist-manifesto-for-the-study-of-capitalism>

Bellamy-Foster J. (2000) *Marx's ecology: Materialism and nature*. Monthly Review Press.

Benanav A. (2019) *Automation and the future of work*. Verso.

Blanchette A. (2020) *Porkopolis: American animality, standardized life, and the factory farm*. Duke University Press.

Bloch M. (1983) *Marxism and anthropology: The history of a relationship*. Clarendon Press.

Bolt M. (2015) *Zimbabwe's Migrants and South Africa's Border Farms: the roots of impermanence*. Cambridge University Press.

Bourdieu P. (1998) *Acts of resistance: Against the tyranny of the market*. The New Press, 1998.

Bourgeois P. (1989) *Ethnicity at work: Divided labor on a Central American banana plantation*. Johns Hopkins University Press.

Bracken C. (1997) *The potlatch papers: a colonial case history*. University of Chicago Press.

Burawoy M. (1979) *Manufacturing consent: Changes in the labor process under monopoly capitalism*. University of Chicago Press.

Burawoy M. (2001) Transition without Transformation: Russia's Involuntary Road to Capitalism. *East European politics and societies*, 15(2), pp. 269-290. <https://doi.org/10.1177/0888325401015002004>

Campbell S. (2022) *Along the integral margin: Uneven development in a Myanmar squatter settlement*. Cornell University Press.

Carrier J. G. & Kalb, D. (Eds.) (2015) *Anthropologies of class*. Cambridge University Press.

Chatterjee P. *Time for Tea: Women, Labor, and Post/Colonial Politics on an Indian Plantation*. Duke University Press.

Clarke S. (2007) *The development of capitalism in Russia*. Routledge.

Clarke S. (ed.) (1996) *The Russian enterprise in transition: case studies*. Edward Elgar

Clifford J. & Marcus G. E. (Eds.) (1986) *Writing culture: The poetics and politics of ethnography*. University of California Press.

Clifford J. (1986) Introduction: Partial truths. In J. Clifford & G. E. Marcus (Eds.), *Writing culture: The poetics and politics of ethnography* (pp. 1-26). University of California Press.

Comaroff J. & Comaroff J. L. (1987) The madman and the migrant: Work and labor in the historical consciousness of a South African people. *American ethnologist*, 14 (2), pp. 191-209. <https://doi.org/10.1525/ae.1987.14.2.02a00010>

Comaroff J. & Comaroff J. L. (1999) Occult Economies and the Violence of Abstraction: Notes from the South African Postcolony. *American Ethnologist*, 26(2), pp. 279-303. <https://doi.org/10.1525/ae.1999.26.2.279>

Comaroff J. & Comaroff J. L. (2001) *Millennial capitalism and the culture of neoliberalism*. Duke University Press.

Comaroff J. (1985) *Body of power, spirit of resistance: The culture and history of a South African people*. University of Chicago Press.

Comaroff J. L. (2010). The End of Anthropology, Again: On the Future of an In/Discipline. *American Anthropologist*, 112, pp. 524-538. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1433.2010.01273.x>

Constable N. (2009) The commodification of intimacy: Marriage, sex, and reproductive labor. *Annual review of anthropology*, 38(1), pp. 49-64. <https://doi.org/10.1146/annurev.anthro.37.081407.085133>

Cowan T., Campbell B. & Kalb D. (2023) Theorizing peripheral labor: Rethinking “surplus populations”. *Focaal*, 97, pp. 7-21. <http://dx.doi.org/10.3167/fcl.2023.970102>

Crapanzano V. (1986) Hermes' dilemma: The masking of subversion in ethnographic description. In J. Clifford & G. E. Marcus (Eds.), *Writing culture: The poetics and politics of ethnography* (pp. 51-76). University of California Press.

De Neve G. (2005) *The everyday politics of labour: Working lives in India's informal economy*. Social Science Press.

Denning M. (2010) Wageless life. *New left review*, 66(6), pp. 79-97. <http://dx.doi.org/10.1515/9783110437201-011>

Dunn E. C. (2004) *Privatizing Poland: Baby food, big business, and the remaking of labor*. Cornell University Press.

Eagleton T. (2004) *After theory*. Penguin UK.

Elyachar J. (2010) Phatic labor, infrastructure, and the question of empowerment in Cairo. *American Ethnologist*, 37(3), pp. 452-464. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1425.2010.01265.x>

Fabian J. (1983) *Time and the other: How anthropology makes its object*. Columbia University Press.

Federici S. (1975) *Wages against housework*. Falling Wall Press.

- Ferguson J. (1999) *Expectations of modernity: Myths and meanings of urban life on the Zambian Copperbelt*. University of California Press.
- Ferguson J. (2015) *Give a man a fish: Reflections on the new politics of distribution*. Duke University Press.
- Ferguson J., Li T. M. (2018) *Beyond the "Proper Job": Political-economic Analysis after the Century of Labouring Man*, Working Paper 51. PLAAS, UWC: Cape Town.
- Firth R. (1938) *Human types: An introduction to social anthropology*. Thomas Nelson and Sons.
- Folz J., Smith R. (2024) Work/Labour. In *The Open Encyclopedia of Anthropology*.
- Fortunati L. (1996) *The arcane of reproduction: Housework, prostitution, labor and capital*. Autonomedia.
- Frank A. G. (1969) *Capitalism and underdevelopment in Latin America: Historical studies of Chile and Brazil*. Monthly Review Press.
- Fraser N. (2016) Contradictions of capital and care. *New Left Review*, 100, pp. 99-117.
- Freeman C. (2000) *High tech and high heels in the global economy: Women, work, and pink-collar identities in the Caribbean*. Duke University Press.
- Freeman C. (2015) *Entrepreneurial selves: Neoliberal respectability and the making of a Caribbean middle class*. Duke University Press.
- García-Colón E. (2020) *Colonial Migrants at the Heart of Empire: Puerto Rican Workers on U.S Farms*. University of California Press.
- Gibson-Graham J. K. (2006) *A postcapitalist politics*. University of Minnesota Press.
- Gough K. (1968) Anthropology and imperialism. *Monthly Review*, 19(10), pp. 12-27. https://doi.org/10.14452/MR-019-11-1968-04_2
- Graeber D. (2006) Turning modes of production inside out: Or, why capitalism is a transformation of slavery. *Critique of Anthropology*, 26(1), pp. 61-85. <https://doi.org/10.1177/0308275X06061484>
- Graeber D. (2014) Anthropology and the Rise of The Professional-Managerial Class. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 4(3), pp. 73-88. <https://doi.org/10.14318/hau4.3.007>
- Gregory C. A. (1982) *Gifts and commodities*. Academic Press.
- Han C. (2018) Precarity, Precariousness, and Vulnerability. *Annual Review of Anthropology*, 47, pp. 331-343. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102116-041644>
- Hann C. (Ed.) (2021) *Work, society, and the ethical self: chimeras of freedom in the neoliberal era* (Vol. 7). Berghahn Books.
- Hardt M. (1999) Affective labor. *Boundary 2*, 26(2), pp. 89-100.
- Harris O. (2007) What makes people work? In Rita Astuti, Jonathan Parry & Charles Stafford, *Questions of anthropology*. New York: Berg.
- Harvey P. & Krohn-Hansen C. (2018) Introduction. Dislocating labour: anthropological reconfigurations. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 24, pp. 10-28. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12796>
- Ho K. (2009) *Liquidated: An ethnography of Wall Street*. Duke University Press.
- Hoffman D. (2011) Violence, just in time: War and work in contemporary West

Africa. *Cultural Anthropology*, 26(1), pp. 34-57. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1360.2010.01079.x>

Holbraad M., Pedersen M. A., Viveiros de Castro E. (2014) The Politics of Ontology: Anthropological Positions. *Theorizing the Contemporary. Fieldsights*. January 13 (<https://culanth.org/fieldsights/the-politics-of-ontology-anthropological-positions>)

Holmes S. (2013) *Fresh Fruit, Broken Bodies: Migrant Farmworkers in the United States*. California University Press.

Howard P. M. (2017) *Environment, labour and capitalism at sea*. Manchester University Press.

Jackson M. (2007) *Excursions*. Duke University Press.

Jackson M. (2008) *Existential Anthropology: Events, Exigencies, and Effects* (1st ed.). Berghahn Books.

Jameson F. (1981) *The political unconscious: Narrative as a socially symbolic act*. Cornell University Press.

Kalb D. (1997) *Expanding class: Power and everyday politics in industrial communities, The Netherlands, 1850-1950*. Duke University Press.

Kasmir S. & Carbonella A. (Eds.) (2014) *Blood and fire: Toward a global anthropology of labor*. Berghahn Books.

Kasmir S. & Gill L. (Eds.) (2022) *The Routledge handbook of the anthropology of labor*. Routledge.

31

Lazar S. (2023) *How we Struggle. A political anthropology of labour*. Pluto Press.

Locke J. (1988) *Two Treatises of Government*. Cambridge: Cambridge University Press.

Lomnitz L. (1975) *Cómo Sobreviven los Marginados*. Siglo Veintiuno Editores.

Lynch C. (2019) *Juki girls, good girls: Gender and cultural politics in Sri Lanka's global garment industry*. Ithaca: Cornell University Press.

Makovicky N. (2016) *Neoliberalism, personhood, and postsocialism: Enterprising selves in changing economies*. Routledge.

Malinowski B. (1925) Primitive labour. *Nature*, 116, pp. 926-930.

Malinowski B. (1936) The Problem of Meaning in Primitive Languages. In *The Meaning of Meaning* C. K. Ogden and A. I. Richards, eds. (Pp. 296-336). New York: Harcourt, Brace.

Mankekar P. & Gupta A. (2016) Intimate Encounters: Affective Labor in Call Centers. *Positions* 24(1), February 1, pp. 17-43. <http://dx.doi.org/10.1215/10679847-3320029>

Marcus G. E. & Fisher M. (Eds.) (1999) *Anthropology as cultural critique: An experimental moment in the human sciences*. University of Chicago Press.

Masco J. (1995) 'It is a strict law that bids us dance': Cosmologies, colonialism, death, and ritual authority in the Kwakwaka'wakw potlatch, 1849-1922. *Comparative Studies in Society and History*, 37(1), pp. 41-75. <https://www.jstor.org/stable/179376>

Massumi B. (1992) *A user's guide to capitalism and schizophrenia: Deviations from Deleuze and Guattari*. MIT Press.

Mezzadri A. (2017) *Sweatshop regimes in the Indian garment industry*. Cambridge University Press.

- Millar J. (2018) *Reclaiming the discarded: life and labor on Rio's garbage dump*. Duke University Press.
- Mintz S. (1986) *Sweetness and power: The place of sugar in modern history*. Penguin.
- Mintz S. W. (1974) *Worker in the cane: A Puerto Rican life history*. WW Norton & Company.
- Mollona M. (2009) *Made in Sheffield: An ethnography of industrial work and politics*. Berghahn Books.
- Morris J. (2016) *Everyday Post-Socialism: Working-Class Communities in the Russian Margins*. London: Palgrave Macmillan.
- Muehlebach A. (2011) On affective labor in post-Fordist Italy. *Cultural Anthropology*, 26(1), pp. 59-82. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1360.2010.01080.x>
- Munck R. (2013) The Precariat: a view from the South. *Third World Quarterly*, 34(5), pp. 747-762. <https://doi.org/10.1080/01436597.2013.800751>
- Narotzky S. (2018) Rethinking the concept of labor through anthropology and history. *Annual Review of Anthropology*, 47, pp. 89-104. <https://doi.org/10.1111/1467-9655.12797>
- Nash J. (1979) *We eat the mines and the mines eat us: Dependency and exploitation in Bolivian tin mines*. Columbia University Press.
- Ollman B. (1976) *Alienation: Marx's conception of man in capitalist society*. Cambridge University Press.
- Ong A. (1987) *Spirits of resistance and capitalist discipline: Factory women in Malaysia*. State University of New York Press.
- Ortner S. B. (1987) Theory in anthropology since the sixties. *Comparative Studies in Society and History*, 26(1), pp. 126-166. <http://dx.doi.org/10.1017/S0010417500010811>
- Parkin D. (1979) The categorization of work: cases from Coastal Kenya. Wallman S. (ed.). *Social anthropology of work*. Academic Press, pp. 317-336.
- Parreñas R. S. (2009) *The force of domesticity: Filipina migrants and globalization*. New York University Press.
- Parry J. P. (1999) Lords of labour: Working and shirking in Bhilai. *Contributions to Indian sociology*, 33(1-2), pp. 107-140. <https://doi.org/10.1177/006996679903300107>
- Povinelli E. A. (1993) *Labor's lot: The power, history, and culture of Aboriginal action*. University of Chicago Press.
- Pun N. (2005) *Made in China: Women factory workers in a global workplace*. Duke University Press.
- Raeymaekers T. (2024) *The Natural Border: Bounding Migrant Farmwork in the Black Mediterranean*. Cornell University Press.
- Ralph M. (2008) Killing time. *Social text*, 26(4), pp. 1-29. <https://doi.org/10.1215/01642472-2008-008>
- Richards A. I. (1939) *Land, labour and diet in Northern Rhodesia: An economic study of the Bemba tribe*. Oxford University Press.
- Rofel L. & Yanagisako S. J. (2019) *Fabricating transnational capitalism: A collaborative ethnography of Italian-Chinese global fashion*. Duke University Press.

Rofel L. (1999) *Other modernities: Gendered yearnings in China after socialism*. University of California Press.

Roseberry W. (1988) Political economy. *Annual Review of Anthropology*, 17, pp. 161-185. <https://doi.org/10.1146/annurev.an.17.100188.001113>

Sahlins M. (1988) Cosmologies of capitalism: The trans-Pacific sector of "the world system". *Proceedings of the British Academy*, 74, pp. 1-51.

Salzinger L. (2003) *Genders in production: Making workers in Mexico's global factories*. University of California Press.

Scheper-Hughes N. & Bourgois P. (Eds.) (2004) *Violence in war and peace: An anthology*. Blackwell Publishing.

Sopranzetti C. (2017) *Owners of the map: Motorcycle taxi drivers, mobility, and politics in Bangkok*. University of California Press.

Stocking G. W. (1996) *Romantic Motives: Essays on Anthropological Sensibility*. University of Wisconsin Press.

Stoler A. L. (1985) *Capitalism and confrontation in Sumatra's plantation belt, 1870-1979*. Yale University Press.

Strathern M. (1988) *The gender of the gift: Problems with women and problems with society in Melanesia*. University of California Press.

Taussig M. (1980) *The Devil and Commodity Fetishism in South America*. University of North Carolina Press.

33

Taussig M. (1987) The rise and fall of Marxist anthropology. *Social Analysis: The International Journal of Anthropology*, (21), pp. 101-113. <https://www.jstor.org/stable/23169557>

Taussig M. (1986) *Shamanism, colonialism, and the wild man: A study in terror and healing*. University of Chicago Press.

Thompson E. P. (1966) *The making of the English working class*. Vintage Books.

Thompson E. P. (1967) Time, work-discipline, and industrial capitalism. *Past & Present*, 38, pp. 56-97. <https://doi.org/10.1093/past/38.1.56>

Tomas D. (1991) Tools of the Trade: The Production of Ethnographic Knowledge in the Andaman Islands. In *Colonial Situations*, ed. by G. Stocking, pp. 75-108. Madison: University of Wisconsin Press.

Trouillot M.-R. (1988) *Peasants and capitalism in the Caribbean: Historical perspectives on labor, migration, and development*. Johns Hopkins University Press.

Tsing A. (2009) Supply chains and the human condition. *Rethinking Marxism*, 21(2), pp. 148-176.

Vanke D. (2024) *The Urban Life of Workers in Post-Soviet Russia: Engaging in Everyday Struggle*. Manchester University Press.

Vogel L. (2000) Domestic labor revisited. *Science & Society*, 64(2), pp. 151-170. <https://www.jstor.org/stable/40403837>

Walker C. (2010) *Learning to labour in post-Soviet Russia: Vocational youth in transition*. Routledge.

Wallerstein I. (1974) *The modern world-system: Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the sixteenth century*. Academic Press.

Wallman S. (ed.) (1979) *Social anthropology of work*. Academic Press.

Williams R. (1977) *Marxism and literature*. Oxford Paperbacks.

Williams R. (2015) *Keywords: A vocabulary of culture and society*. Oxford University Press.

Willis P. (1977) *Learning to labor: How working-class kids get working-class jobs*. Columbia University Press.

Wolf E. (1982) *Europe and the people without history*. University of California Press.

Об авторах / About the authors

Петряков Степан Игоревич — аспирант факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, исследователь, Центр социальных исследований Севера в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Научные интересы: антропология труда, политическая экономия, марксизм, история антропологии.
<https://orcid.org/0009-0000-1976-9803>. E-mail: spetryakov@eu.spb.ru

34

Винокуров Григорий Дмитриевич — магистрант факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге и департамента истории Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” в Санкт-Петербурге. Научные интересы: антропологическая теория, история антропологии, антропология труда, исследования науки и техники, антропология науки, STS.
<https://orcid.org/0000-0003-3995-3178>. E-mail: g.vinokurov@eu.spb.ru; gdvinokurov@edu.hse.ru

Ссорин-Чайков Николай Владимирович — PhD, доцент департамента истории Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” в Санкт-Петербурге. Научные интересы: антропология времени, антропология дарообмена, антропология пост-социализма, историческая антропология.
<https://orcid.org/0000-0001-7521-6912>. E-mail: nssorinchaiikov@hse.ru

Stepan I. Petryakov — PhD student at the European University at St. Petersburg, researcher, Center for Arctic Social Studies of the European University at St. Petersburg. Research interests: anthropology of labor, political economy, marxism, history of anthropology.
<https://orcid.org/0009-0000-1976-9803>. E-mail: spetryakov@eu.spb.ru

Grigory D. Vinokurov — MA student at the European University at St. Petersburg, MA student at the HSE University (St. Petersburg). Research interests: anthropological theory, history of anthropology, anthropology of labor, anthropology of science, STS.
<https://orcid.org/0000-0003-3995-3178>. E-mail: g.vinokurov@eu.spb.ru; gdvinokurov@edu.hse.ru

Nikolai V. Ssorin-Chaikov — PhD in Anthropology, Associate Professor in Social Anthropology, Department of History, HSE University (St. Petersburg). Research interests: anthropology of time, anthropology of gift exchange, anthropology of postsocialism, historical anthropology.

<https://orcid.org/0000-0001-7521-6912>. E-mail: nssorinchaikov@hse.ru